

Ань Чанцин как раз размышлял, как пустить в ход этот «козырь», когда нужный человек сам попался ему навстречу. Слегка изогнув губы в усмешке, он на ходу шепнул, проходя мимо:

— Аптека «Дэжэньтан» — это лавка из девичьего дома моей матери. Вы знали об этом?

Госпожа Сунь со злобой уставилась на него:

— Знала, и что с того? Даже не думай использовать меня!

Ань Чанцин тихо ухмыльнулся:

— Ни о каком использовании речи нет, у нас просто общие цели. Тетушку Юй ни за что ни про что отравили, мой двоюродный брат погиб невинной жертвой... Нельзя же позволить убийце остаться безнаказанным...

На этот раз госпожа Сунь ничего не ответила.

Ань Чанцин лишь добавил: «Семья лекаря Вана живет в переулке Тунъюнь» — и прошел мимо нее.

Выйдя за ворота поместья Ань, Ань Чанцин с облегчением перевел дыхание. Взглянув на мать и младшую сестру, которые все еще не могли прийти в себя от происходящего, он с улыбкой произнес:

— Наконец-то вам больше не придется терпеть издевательства в этом проклятом месте. Теперь я буду заботиться о вас.

Госпожа Юй растерянно посмотрела на него, ее глаза слегка покраснели. Ласково проведя пальцами по его бровям, она сиплым от подступивших слез голосом произнесла:

— Но-но, ты так настрадался.

Прежде наивный и мягкосердечный сын неприметно, пока она и не догадывалась, вырос в могучее дерево, способное укрыть их от любых бурь и невзгод.

— Вовсе нет, — Ань Чанцин изо всех сил заморгал, сдерживая подступившую к горлу горечь, и попытался улыбнуться. — Пойдемте в экипаж. Сначала вернемся в поместье князя, а потом я подберу подходящую усадьбу, где можно подлечиться, и вы с сестрой поживете там некоторое время.

Хотя ему хотелось остаться рядом с матерью и сестрой, он понимал: их долгое пребывание в поместье князя неизбежно вызовет суды да пересуды... К тому же оставалась куча нерешенных дел с поместьем маркиза Чжунъюна. Лучше уж им уехать подальше, чтобы не мозолить eyes и жить спокойно.

Госпожа Юй и Ань Сяньюй первыми сели в экипаж. Ань Чанцин уже собирался подняться вслед за ними, но заметил, что внутри довольно тесно. Сегодняшняя повозка была небольшой: двоим в ней хватало места, а вот троим было уже не развернуться. Ань Чанцин раздумывал, потесниться ли внутри или пойти назад и отнять паланкин у Ху Шифэя, как вдруг за его спиной раздался низкий бархатистый голос:

— Но-но?

Уши Ань Чанцина мгновенно вспыхнули. Он обернулся и гневным взглядом уставился на

мужчину:

— Не смей меня так называть!

Это была вырвавшаяся на автомате реакция. Опомнившись, Ань Чанцин понял, что повел себя слишком дерзко. Украдкой бросив взгляд на окружающих, он увидел, что те стояли, опустив головы и словно ничего не замечая вокруг. Затем он перевел взгляд на Сяо Чжигэ — тот с тем же невозмутимым лицом протянул ему руку:

— Я приехал за тобой. Поедем вместе.

Сердце Ань Чанцина снова оттаяло. Недавняя досада испарилась сама собой, уступив место лишь смущению.

Помявшись и бросив взгляд на экипаж, он в конце концов стиснул зубы и сжал протянутую ладонь.

Сяо Чжигэ сжал его руку и, подхватив, усадил юношу перед собой в седло. Сегодня князь был верхом на крупном гнедом коне, куда более высоком и крепком, чем прочие лошади, так что двое помещались на нем с лихвой.

Ань Чанцин прижался к его груди. Чувствуя на себе едва уловимые взгляды со всех сторон, он неловко вцепился пальцами в гриву лошади и поторопился:

— Поехали скорее назад.

— Хм, — Сяо Чжигэ обнял его за талию обоими руками, привычно подхватил поводья и легким движением сжал бока коня. Гнедой конь фыркнул, взмахнул хвостом и неспешно повез их обратно в поместье.

Шедшие позади Те Ху, Чжао Ши и остальные застыли как вкопанные, онемев от изумления. Первым пришел в себя Ху Шифэй. Он звонко похлопал по стенке своего паланкина, приводя всех в чувство:

— Чего встали, как истуканы? Вперед!

Только тогда слуги и стражники опомнились, словно от долгого сна: носильщики подхватили паланкин, всадники вскочили на коней и поспешили вслед за ними.

Автор хочет сказать:

Но-но: «Репутация семьи Ань разрушена? Но какое отношение это имеет ко мне, Бэйчжань-ванфэй Сяо Но-но?»

В эти дни чайные Ецзина процветали: залы забивались посетителями до отказа, а сказители на подмостках брызгали слюной, без усталости меля языками.

Увидев, что на очередной сказ собрался полный зал, сказитель с треском ударил веером по столику и начал:

— Итак, в тот день на закате солнца на улице Юнлэ бурлила жизнь, как вдруг вдалеке показался статный конь, неспешно шагавший по мостовой. Верхом восседали двое: один — статный да могучий, исполненный грозного величия, а второй — изящный да пригожий, краше самого Пань Аня...

Сказитель развернул веер:

— И как думаете, кто же это был?

— Да сам Бэйчжань-ван со своей новобрачной ванфэй!

— Надо сказать, эта Бэйчжань-ванфэй — фигура поистине невероятная! Хотя и мужчина, а лицом да станом краше любой девицы — дух захватывает! Едва Бэйчжань-ван узрел его, так сразу пленился без памяти и поклялся взять в супруги да спрятать в золотом тереме. Но ведь ванфэй-то — мужчина, с чего бы ему покоряться...

Сказитель со вкусом сорил красноречием, но внизу кто-то с недовольством пробурчал:

— Этот сказитель совсем заврался. Разве Бэйчжань-ванфэй не скончался уже давно? Слыхал я, что на следующее же утро после свадьбы его тайком вывезли за город и закопали!

— И откуда только ты таких бредней наслушался? Абсолютная чушь! — не выдержал сидевший рядом посетитель и закатил глаза. — Еще позавчера Бэйчжань-ван лично сопровождал ванфэй в «Саньвэйчжай». Говорят, ванфэй очень уж любит сливовое печенье, вот князь и повез его туда специально.

— Вот-вот! — поддакнула стоящая неподалеку женщина. — В эти дни сливовое печенье в «Саньвэйчжай» расхватывают как горячие пирожки! Поговаривают, съешь его — и кожа станет белой да гладкой, а сам расцветешь, точно небесный небожитель. Если бы не безумные очереди, я бы и сама парочку купила!

Кто-то рядом подшутил над ней:

— Тетушка, в твои-то годы о каких нежных почечках мечтать?

Тетка громко сплюнула:

— Тьфу на тебя! Мне-то зачем? Я для дочки своей!

Спросивший до этого мужчина совсем растерялся от их слов. В смятении он снова перевел взгляд на сказителя, но тот уже вещал о том, как ванфэй воспротивился, а расвирепевший Бэйчжань-ван насильно умыкнул его в свое поместье и сделал пленником для услады...

Мужчина: «...»

История была сущим абсурдом, но завсегдатаи слушали с огромным удовольствием. Год подходил к концу, народ освободился от забот, и всем хотелось послушать нечто эдакое, развлекательное. Сказка о том, как Бэйчжань-ван силой похитил ванфэй, мучил его тело и душу, а в итоге они обрели счастье, казалась гораздо интереснее сплетен о том, сколько слуг сегодня умерло в поместье Бэйчжань-вана.

Видя, что сказителя заносит все дальше в дебри фантазии, сидевший в самом заднем ряду молодой дворянин в синих одеждах поднялся и направился к выходу. Двое спутников в серых одеяниях проследовали за ним.

Выйдя из чайной, один из серых заметил:

— Сказитель совсем лишился меры.

Молодой человек в синем отозвался:

— Однако то, что они вдвоем на одном коне вернулись в поместье, — чистая правда. Как думаете... Второй братец действительно воспылал страстью к этому сыну от наложницы или разыгрывает представление для нас?

Человек в сером немного помешкал:

— Скорее уж представление. Прежде никто не слыхивал, чтобы Бэйчжань-ван питал слабость к мужчинам. Да и его норы... вам ли не знать.

— И то верно, — согласился господин в синем. — Актерствует он или нет... Вернусь, попрошу матушку-императрицу вызвать его во дворец, а там и увидим.

Он холодно ухмыльнулся:

— Хоть он давно лишился прав на престол, с него нельзя спускать глаз.

В конце концов, ни один из принцев во дворце, включая его самого, не держал в руках военную власть. И пусть все молчаливо сходились на том, что Бэйчжань-вану не видать трона, разве в истории мало случаев дворцовых переворотов и захвата власти силой?

Спрятав резкий блеск в глазах, молодой человек скомандовал:

— Назад во дворец.

Тем временем в поместье Бэйчжань-вана сам Бэйчжань-ванфэй в последние дни ужасно страдал от головной боли.

С тех пор как Сяо Чжигэ приехал за ним в дом семьи Ань и единожды назвал его детским именем, он наотрез отказывался обращаться к нему иначе.

Такой могучий, суровый военачальник изо дня в день произносил нежное домашнее имя. Каждый раз, когда Ань Чанцин видел его бесстрастное, холодное лицо и слышал это нежное «Но-но», его пробирало мурашками от кончиков волос до кончиков пальцев на ногах.

Но сколько бы юноша ни намекал и ни просил прямо, мужчина не уступал.

Попробовав не один раз, Ань Чанцин наконец сдался и махнул рукой. Вот только привыкнуть к этому он так и не смог: каждый раз, когда мужчина произносил его детское имя, лицо юноши заливала краска. В конце концов, не найдя иного выхода, он начал просто избегать Сяо Чжигэ.

К счастью, Сяо Чжигэ каждый день отправлялся за город в военный лагерь на муштру войск, а сам Ань Чанцин был занят поиском усадьбы, да и спать ложился рано, так что до выселения великого Бэйчжань-вана в кабинет дело, к счастью, не дошло.

В тот день Ань Чанцин давал указания Ань Фу приготовить экипаж, намереваясь выехать из города.

После нескольких дней поисков ему наконец удалось найти подходящее поместье прямо у подножия горы Цинъюнь. Место там было тихое, уединенное, а на территории даже имелись горячие источники — идеальный уголок для восстановления сил. Ань Чанцин собирался лично

все осмотреть, и если место понравится, как можно скорее его приобрести.

— Собираешься уехать? — спросил Сяо Чжигэ, как раз выходивший из дома.

— Угу. Хочу съездить к горе Цинъюнь, посмотреть усадьбу.

Сяо Чжигэ занес ногу для шага, но передумал, присел рядом и произнес:

— Поедем вместе. Нам по пути.

Ань Чанцин удивился:

— Князю сегодня тоже нужно на гору Цинъюнь?

Сяо Чжигэ коротко ответил:

— Нет.

<http://bllate.org/book/18381/1767609>